

История с.Черновское

1. **Название села**
2. **Первые сведения о селе**
3. **Ермоловы**
4. **Языковы**
5. **Участие Черновских крестьян в восстании Степана Разина**
6. **Крестьянская война 1773-1775 гг в нашем крае**
7. **Черновское в конце XVIII - начале XIX веков**
8. **Черновское во второй половине XIX века**
9. **XX век. (начало)**
10. **Последние землевладельцы села.**
11. **От революции до войны**
12. **Храмы в селе Черновское**

Название села

Черновское село на реке Пьяне, одно из старинных поселений Нижегородской области, возникшее не позднее 16 века, - название получило, по всей вероятности, от чёрных (лиственных) лесов, некогда окружавших это село.

Очевидно, в какое-то время село, возможно, называлось Покровским. С названием его связано одно предание.

Когда Екатерина II объезжала империю, то на её пути встало и нынешнее Черновское. К визиту матушки государыни тщательно готовились. Навели мосты, дорогу замостили дубовыми брёвнами, чтобы никакой дождь не развёз густой и жирный чернозём просёлка. (Когда австрийские пленные солдаты после Первой мировой войны прокладывали через село дорогу, дубовые брёвна в некоторых местах выворачивались из земли). Но Екатерине всё же не повезло. Сказывают, что при въезде в село её карета искупалась в чёрной жиже, после чего императрица в гнев воскликнула: «Какое же это Покровское? Это Черновское!» И с тех пор зовётся село Черновским.

Но это всего лишь предание, которое передаётся в Черновском из поколения к поколению. Но П.П. Трубе в книге «Географические названия Горьковской области» пишет о том, что документы 18 века свидетельствуют, что село действительно называлось Покровским. Пребывание же Екатерины II в Черновском - это исторический факт.

Возврат в начало

Первые сведения о селе

1552 год – Поход Ивана Грозного на Казань. Десятый «стан» Ивана Грозного был «на озере на Дубровке, на берегу Пьяны в четырёх верстах от села Черновское, где и был основан монастырь названный Никольским». Ныне на месте монастыря находится часовня (д.Ниловка)

1576 год – Введение воеводского правления в Арзамасского уезда, куда входило село Черновское.

1576 год – Село Черновское становится волостным центром Арзамасского уезда.

1593 год - Первое упоминание в историческом документе о селе Черновском. («Лета 7101 генваря в 24 день...А книги межевые писал церковный дьячок от Николы

Чудотворца из Иванова поместья Ермолова ис Чернавского Меншута Онфилоев» Арзамасские поместные акты 1578-1618).

17 век – Владеет селом Черновское стольник Дмитрий Михайлович Ермолов.

Возврат в начало

Ермоловы

Историческая справка

Родоначальник рода Ермоловых Араслан Мурза Ермола, при крещении названный Иоанном, в 1506 году выехал из Золотой Орды к великому князю Московскому Василию Ивановичу. Правнук Араслана, Трофим Иванов сын Ермолов, в 1611 году вписан по Москве в Боярскую книгу. Осип Иванов сын Ермолов от царя и великого князя Михаила Фёдоровича (Романова) за Московское осадное сидение пожалован поместьями. В «Отдельные книги поместий Осипа, Трофима, Романа Ермоловых» говорится:

«...всего Трофиму Ермолову отделено Утишье в деревне Круглинской, и за лесом в селе Черновском, и в деревне Олхимовке 308 чети в поле, а в дву по тому ж сена 420 копен, в клад, в 400 в 50 чети... Да Осипу - ж отделено в Орзамасском уезде за Шатковским лесом, на реке Пьяне в селе Черновском пашни и перелогу дикова поля 76 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж, земля добра, сена 150 копен».
(«Арзамасские поместные акты» (1578-1618). М., 1915, № 208, 106 г., 30 июля, с.286)

И другие из рода Ермоловых верно служили российскому престолу дворянский службы стольниками и в иных чинах и жалованы были от государей поместьями.

Ермоловы владели вотчинами во многих губерниях российской империи, в том числе и Нижегородской (село Черновское).

Известно, что Иван Васильевич Ермолов участвовал в Казанском походе третьим воеводою шестого сторожевого полка, а также в шведском походе 1549 года третьим воеводою шестого передового полка. Принимал он участие и в Полоцком походе 1551 года.

Костромской дворянин Василий Богданович Ермолов умер от ран, полученных при осаде Смоленска в 1634 году.

Иван Степанович Ермолов, возведённый в московское дворянство и пожалованный чином стряпчего, служил в Симбирском полку князя Я.Ф. Долгорукого. После его смерти в 1694 году наследником имений становится сын Фёдор Иванович Ермолов. Он был одним из богатейших помещиков Нижегородской и Симбирской губерний. Фёдор Иванович служил в лейб-гвардии Измайловского полка. Оставил службу в чине поручика.

Родственником владельцев Черновского был прославленный боевой генерал, герой Бородина Алексей Петрович Ермолов. Родился он в 1777 году, получил домашнее образование. Затем закончил Благородный пансион при Московском университете. Военную службу начал в 15-летнем возрасте, в 1792 году был произведён в капитаны. С 1794 года начинается его боевая служба. В тот же год он отличился при штурме Варшавы и Праги. По личному распоряжению А.В. Суворова Ермолов был награждён орденом святого Георгия 4-ой степени. А.П. Ермолов - участник Отечественной войны 1812 года. Награждён орденами св. Георгия 3-й и 2-ой степени. Находившийся в подозрении у царя в 1827 году А.П. Ермолов был отправлен в отставку.

Возврат в начало

Языковы

Историческая справка

Родоначальником этого древнего рода был Енгулей-Мурза-Язык, выехавший в 1387 году из Золотой Орды к великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу Донскому. При крещении он принял имя Алексей. Его сын Сунгул-Мурза в святом крещении Захарий Алексеевич Языков. От него и пошли Языковы, преданно служившие российскому престолу за что и были жалованы государями.

О принадлежности земель Языковым на Пьяне свидетельствуют документы 1592 года, где значится:

« - на реке на Пьяне на берегу берёза развиловата, на ней грань от берёзы прямо лугом до островка ельховава; напротив земля Фёдора Верёвкина да Ивана Толькина, на леве земля поместная Ивана Бутурлина да Ермолы Языкова» («Арзамасские поместные акты». М., 1915, с. 124). Моисей Григорьевич Языков за Московское осадное сидение в 1620 году пожалован поместьем. Никита Иванович Языков за храбрость в войне с Турцией в 1690 году также был пожалован поместьем. Воеводе Семёну Ивановичу Языкову за участие в Азовском походе в 1696 году пожалованы кафтан и кубок.

В дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии Языковы были внесены в мае 1837 года. Кроме Нижегородской они имели имения и в других губерниях: Симбирской, Костромской, Орловской, Тульской. Языковы были связаны родственными узами с Ермоловыми. Александр Фёдорович Ермолов выдал свою дочь Екатерину за Михаила Петровича Языкова. А сын брата его Семёна Петровича, тайный советник Дмитрий Семёнович Языков и был одним из владельцев имения в селе Черновском.

А произошло это так. Мария Алексеевна, урождённая Ермолова, владелица части села Черновского, вышла замуж за курмышского помещика подпоручика Николая Дорофеевича Языкова. Их сын Николай Николаевич женился на некоей Федосье Ефимовне. А одна из трёх их дочерей Флёна оказалась замужем тоже за Языковым, Дмитрием Семёновичем из владимирских помещиков Языковых. От бабки Марии Алексеевны часть села Черновского и деревня Заист переходила в приданое по женской линии — и получила Флёна Николаевна. Так Дмитрий Семёнович Языков и стал одним из владельцев Черновского. Материно приданое перешло к сыну Николаю.

Дмитрий Семёнович был видным сановником. Он вступил в военную службу с семнадцати лет, пролил кровь на Бородинском поле, участвовал в боях под Тарутином, Малоярославцем, Красным. Получил награду за храбрость, проявленную в Кульмском сражении, с победоносной русской армией вступил в Париж. В 1818 году он вернулся в Россию, служил в конно-егерском полку. В 1822 году вышел в отставку. Находясь не у дел, жил в имении жены в селе Черновском Сергачского уезда - постоянно или только летом, трудно сказать.

Свободолюбивые веяния, такие сильные среди участников кампании 1812 года, не задели Дмитрия Семёновича Языкова. Об этом говорит вся его дальнейшая карьера. Он был в числе очень немногих нижегородских дворян, выразивших желание приобрести билет на коронацию Николая I в августе 1826 года.

В 1827 году Языков вновь поступает на службу, но не в армию, а в корпус жандармов. С 1827 по 1832 год он служит в Нижнем Новгороде начальником 3-го отделения 5-го жандармского округа.

Именно к нему обратился А.С. Пушкин в 1830 году с просьбой выехать из Болдина в Москву. Без свидетельства на выезд нельзя было проехать через карантин края, охваченного эпидемией холеры. Дмитрий Семёнович эту просьбу поэта выполнил.

В 1832 году Д.С. Языков служил начальником 4-го жандармского округа в Вильно. В отчётах шефа жандармов Бенкендорфа он упоминается неоднократно: в 1830 году отмечены его отличные услуги по сбережению Нижнего Новгорода от холеры; в 1832 году Д.С. Языков - уже начальник округа в Вильно - получил особую похвалу «за наблюдение за скрывшимися участниками польского восстания; -Языков наладил

перлюстрацию писем и договорился с прусскими политическими агентами, чтобы те доносили о перешедших границу поляках. За это Языкову была пожалована «аренда» на 12 лет по 800 рублей серебром, которая через год была заменена дарственной на имение в Гродненской губернии.

В 1835 году по личному распоряжению царя Языков переводится в статскую службу, с хвалебной характеристикой, подписанной самим Бенкендорфом.

Среди родственников Д.С. Языкова тоже есть известные всей России люди. Это прежде всего его двоюродный брат Николай Михайлович Языков - из богатой симбирской помещичьей семьи. Уже студентом - а учился он 7 лет в Дерптском университете - он выдвинулся в первый ряд русских поэтов. Его песни выучивали наизусть, клали на музыку и с любовью распевали студенческим хором. Многие из них надолго стали популярными («Из страны, страны далёкой», «Нелюдимо наше море», «Разгульна, светла и любовна» и др.). Пушкин, Жуковский и Баратынский высоко ценили творчество Н.М. Языкова.

Возврат в начало

Участие Черновских крестьян в восстании Степана Разина

В 1670-ом году Арзамасский край, куда в ту пору входили и селения Большеболдинской округи, становится главной ареной крестьянского движения на нижегородской земле. Разинцы стремились захватить Арзамас - штаб главного карателя восставшего народа Юрия Долгорукого. В начале октября 1670 года в донесении царю говорилось: «...ратные люди Юрия Долгорукого с воровскими людьми сошлись и учинили бой большой у деревни Юсупово... Тех воров и изменников побили...» («Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях». М., 1992. С.78).

Пополнение рати Юрия Долгорукого хорошо вооружёнными воинами лишало возможности повстанцев на одержание побед. Однако, несмотря на явное неравенство, разинцы показывали беззаветную отвагу. Под селом Черновским 15 тысяч восставших крестьян были окружены с двух сторон стрелецкими сотнями воевод Щербатова и Леонтьева. Четыре раза повстанцы бросались в атаку. Подавляющее превосходство в артиллерии перевесило чашу весов в пользу правительства. Воеводы одержали победу. Разгромили повстанцев и под селом Пановым. Князь Юрий Долгорукий оставил военный полк Ивана Лукина для суда и расправы в селе, стрелецкие полки Фёдора Леонтьева направил на усмирение мужиков села Черновского. Остальные войска повёл на Арзамас.

Не вызывает никаких сомнений, что во время расправы с повстанцами погибло немало и черновчан.

Возврат в начало

Крестьянская война 1773-1775 гг в нашем крае

В 1773 году в крепостнической России вспыхнуло крестьянское восстание под предводительством Емельяна Ивановича Пугачёва Оно охватило огромную территорию: Оренбургский край, Приуралье, Башкирию, Западную Сибирь, Западный Казахстан, Среднее и Нижнее Поволжье, превратившись в настоящую крестьянскую войну.

Не менее 474 селений Нижегородской губернии было охвачено восстаниями. Было убито 348 дворян и представителей администрации. Затронула крестьянская война и наше село.

На болдинской земле пугачёвцы появились в июле 1774 года. Крестьяне села Черновского вместе со священником Данилой Марковым и дьяконом Семёном Даниловым «с честью» встретили двух посланцев Пугачёва, приехавших в село 23 июля 1774 года. Пугачёвцы сообщили, что за ними идёт большой отряд и призвали крестьян «от помещика отложиться», ни в чём его не слушать, говоря при этом, «что они будут государевы». Эти призывы нашли много сторонников среди крестьян.

В селе была установлена новая власть по казацкому образцу. Помещичьего служителя Сергея Борисова избрали атаманом, а крестьянина Дмитрия Кудашова есаулом. Забрав из помещичьих конюшен большое количество лошадей, повстанцы покинули Черновское.

На другой день в селе появился отряд пугачёвцев в количестве 15 человек и расположился в помещичьем доме. Однако преданные помещику люди, вооружившись, вытеснили отряд из села. Предательски повёл себя избранный атаманом С. Борисов. Это возмутило крестьян. Казнь, решили они, будет справедливым возмездием.

25 июля село Черновское было вновь занято отрядом (50 человек) пугачёвцев под предводительством донского казака А.Суходольского. По жалобам крестьян, повстанцы повесили священника Василия Алексеева, приказчика Парфёна, предателя Борисова, дворового человека Егора Васильева. Несколько крестьян за сопротивление, оказанное предыдущему отряду, высекли. Вместо Борисова был назначен другой атаман — дворовый человек помещика Языкова Степан Сергеев.

Как свидетельствуют документы Арзамасской провинциальной канцелярии, есаул Суходольский выдал назначенному атаману Сергееву «письменное наставление», в котором определялись его действия.

А действовал атаман решительно. Под его руководством крестьяне сожгли все три помещичьих усадьбы, находящиеся в Черновском, поделили между собой барский скот, уничтожили все бумаги помещичьих канцелярий.

После ухода отряда Суходольского в Черновском ещё более двух месяцев действовала новая власть, крестьяне управляли по казацкому образцу, не подчиняясь ни царской, ни барской администрации. И лишь в октябре крестьянское восстание здесь было подавлено прибывшим в село карательным отрядом капитана Белехова.

Подавляющим большинством участников пугачёвского движения была беднота. Одним из активных участников восстания был крестьянин села Черновское Михаил Иванович Мазанов. Арзамасская провинциальная канцелярия характеризовала его как «злого и упорного» участника восстания. Он ушёл с повстанцами около 24 июля. До поражения отряда А.Суходольского Мазанов был в этом отряде. Михаил Мазанов был «нещадно» наказан кнутом, и ему отрезали ухо, «чтобы навсегда за его злодеяния виден был» - так гласил приговор.

Сохранилась опись имущества М.И. Мазанова. Согласно «описи, учинённой посланным из Арзамасской канцелярии сержантом Иваном Лукиным Арзамасского уезда вотчины капитана Василия Ивановича Турчанинова с Черновского крестьянина Михаила Ивановича сына Мазанова двору его и пожиткам» (август 1774 года), Мазанов имел: «избу липовую, ветхую, крытую соломой» (цена 1р.50 коп.). В избе стол липовый (50 коп.). Перед избой сени плетнёвые, в них кадушки липовые (6 коп.). Ворота из дубовых столбов «ветхих» (15 коп.). Баня «бревенная ветхая» (50 коп.). Во дворе имелось: «хомут пеньковый (7 коп.), телега с колёсами (15 коп.), сани ветхие (6коп.).

Пугачёвское движение было подавлено в Болдинском крае в августе 1774 года, но расправы продолжались долго, т.к. не сразу удалось выловить разбежавшихся крестьян. Задержанных доставляли в провинциальную контору и заключали в тюрьму. Известно ещё одно имя черновчанина Терентия Алексеева. Из участников пугачёвского движения, находившихся в тюрьме Арзамасской провинциальной канцелярии двое были казнены, 114 наказаны кнутом, остальные высечены плетью. Сначала

задержанных крестьян наказывали в провинциальной канцелярии, позднее во многих селениях оборудовали места казни, и наказание производили на месте. Сохранился список имён помещиков, в имениях которых были установлены виселицы, колёса, глаголи и другие орудия казни и пыток, которые сохранялись до августа 1775 года. И среди них имена «капитана Петра, прапорщика Фёдора Ермоловых, подпоручика Николая Языкова, капитана Василия Турчанинова в селе Черновском» («Пугачёвщина», Т.З. М.-Л., 1961. с.367).

В центральном государственном архиве древних актов имеются документы об участии крестьян села Черновского в крестьянской войне 1773-1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачёва. Вот перечень фотокопий, которые были в 1975 году присланы в адрес Черновской школы:

1774 июль 28 - Манифест Е.И. Пугачёва народам Поволжья с призывом подняться на борьбу с крепостниками;

1774 июль 29 - Ордер Арзамасского воеводы Синявина об организации обороны в Арзамасском уезде;

1774 июль - Доношение служителя помещика П.М Ермолова П.И.Булыгина о приезде в село Черновское пугачёвского отряда;

1774 август 7 - Сообщение приказчика Константина Степанова о восстании крестьян в селе Черновское;

1774 август 28 - Челобитная служителя А. Фомина о разгроме крестьянами помещичьего дома в с.Черновском;

1774 октябрь 31 - Рапорт капитана Белехова о наказании восставших крестьян с. Черновского;

1774 год - Допросы крестьян села Черновского, участников восстания;

1774 год - Из ведомости Арзамасской канцелярии о «бунтующих» сёлах Арзамасского уезда с упоминанием села Черновского;

1774 год - Из ведомости Арзамасской канцелярии о количестве повешенных разного звания людей в Арзамасском уезде восставшими крестьянами, в том числе села Черновского.

Возврат в начало

Черновское в конце XVIII - начале XIX веков

Важным событием в жизни Черновского второй половины 18 века было пребывание в селе императрицы Екатерины Второй. Черновской помещик Пётр Иванович Топорнин рассказывал об этом: «Императрица Екатерина была у нас в июне месяце после Пугачёвского бунта, примерно в 1775 году... Перед приездом императрицы Екатерины согнаны были поселяне из нескольких волостей для устройства дороги.

Прибыв в Черновское, императрица посетила храм, а отсюда отправилась в дом помещика Фёдора Ивановича Ермолова. Здесь она отобедала,... играла в шашки, пожаловала чином капрала Преображенского полка попавшегося ей на глаза и понравившегося ей сына Ф.И. Ермолова маленького Нила, удивлялась и хвалила искусство хозяев сохранять свежие яблоки, которыми её потчевали в это время года. В Черновском императрица получила известие о том, что великому князю Павлу Петровичу угрожает оспа, и она поспешила в Петербург». («Нижегородские епархиальные ведомости», № 10, 1892 г.).

У Ф.И. Ермолова были два сына, Нил и Александр, и три дочери: Мария, Александр и Анна.

Из рода Ермоловых в Черновском проживали многие: Осип Иванович, Трофим Иванович, Нил Фёдорович, Дмитрий Михайлович, Фёдор Иванович, Гаврила Петрович и многие другие.

До конца XVIII века Черновским безраздельно владели Ермоловы. В конце XVIII века часть Черновской вотчины перешла от Ермоловых к другим владельцам, в основном в качестве приданого за дочерьми. Так, кроме Ермоловых, появились в Черновском Топорнины, Языковы, Турчаниновы. Все они были связаны близким или дальним родством и долгие годы сообща владели Черновским.

Общее количество земли в даче села Черновского составляло 738 десятин. К высылке из села — сельцу Заист (сельцо - селение, где не могло быть церкви, но было господское строение) было приписано 804 десятины. Кроме того, владельцам села Черновского принадлежало несколько пустошей, примыкавших к основным землям, а также деревни Алфимовка, Усад. Так что Черновская земельная дача была довольно обширной.

Ещё в 1831 году указывалось, что земля Ермоловых находилась «в чересполосном владении с прочими того села Черновского владельцами, а сколько именно порознь... числилось десятин совершенно объяснить невозможно» (Государственный архив Горьковской области, ф.177 оп.776, д.2418, л.10).

Более точно, чем земля, учитывалось помещиками число крепостных, поскольку именно они обеспечивали доход своим господам. На конец 18 века в селе Черновском числилось: за «полковницей» Марьей Богдановной Турчаниновой 50 мужских душ - наследство от первого её мужа Николая Алексеевича Ермолова, брата Марии Алексеевны Ермоловой. Языковой Марии Алексеевне принадлежало-107, Нилу Фёдоровичу Ермолову - 332, Николаю Петровичу -111 душ. А всего за Черновским было записано 600 крепостных мужского пола.

Николай Петрович и Нил Фёдорович были четвероюродные братья. Николай Петрович был родной брат Гаврилы Петровича. И по разделу в конце 18 века к Гавриле Петровичу перешла часть черновского владения брата. От Гаврилы - к его жене Пелагее Ивановне. А часть владения Нила Фёдоровича Ермолова была отдана в приданое за дочерью Натальей Ниловной, в замужестве Топорниной.

Земля распределялась, в общем-то, по числу крепостных, следовательно, самый большой участок черновской дачи принадлежал Н.Ф. Ермолову.

К середине 18 века количество крепостных у каждого владельца увеличилось ненамного.

Полюбовный раздел дачи и села Черновского между владельцами был произведён только в июне 1841 года. К этому времени селом Черновским и селом Заист владели: Флёна Николаевна Языкова, внучка Марии Алексеевны. Она имела 113 крепостных и 149 десятин в Черновском, 77 крепостных и 155 десятин в Заисте (крепостных указывается общее число мужчин и женщин, не указывается раздел пустош и деревни Елфимовки); Наталья Ниловна Топорнина имела 395 крепостных и 408 десятин в селе Черновском; Пелагея Ивановна Ермолова, её два сына Александр и Николай, и три дочери, Елизавета, Лариса, Ольга, имели 121 крепостного и 170 десятин в селе Черновском.

Снохе Елизавете Ивановне (дочери Натальи Ниловны Топорниной, вдове Михаила Гавриловича Ермолова) с сыном Алексеем была отделена в селе Заист 141 душа и 647 десятин.

При разделе владельцы договорились «строение в селе оставить по-прежнему», а крестьян перевести на новые земельные участки в течение десяти лет.

История владения М.Б. Турчаниновой не совсем ясна. По-видимому, оно перешло к некоему А.Т. Протопопову, а от него уже к купцу Черкасову (именем которого до начала

XXI века зовётся одичавший от времени сад на Слободке, самой нижней улице нашего села на берегу Пьяны.

Три основных владельца Черновского имели свои господские усадьбы. В завещании Гаврилы Петровича Ермолова, составленном 17 августа 1828 года, было отказано жене «движимое и недвижимое благоприобретённое», то есть не наследованное, имущество, «...как-то землю в пустоши Гайдаровской, Десятовской тож, всю без остатку, сколько теперь у меня во владении находится, и дом, состоящий в именуемом селе Черновском со всеми принадлежащими к нему, строениями, скотом разного рода и птицы, посудой, бельём, серебром столовым и экипажи».

По разделу 1841 года дом был закреплён за незамужней дочерью Пелагеи Ивановны Елизаветой Гавриловной, постоянно живущей в Черновском.

В 1841 году в селе Черновском значатся ещё: за Натальей Ниловной Топорниной - деревянный дом и флигель, за Флёной Ниловной Языковой - дом с флигелями и садом, за купцом Черкасовым - два флигеля на бывшей турчаниновской земле. Елизавета Ивановна (дочь Натальи Ниловны Топорниной и сноха Пелагеи Ивановны Ермоловой) имела деревянный дом и два флигеля в Заисте.

Дом же Натальи Ниловны мог посещать А.С. Пушкин в бытность свою в Болдине. Дом этот находился на участке, примыкающем с севера к почтовому тракту. С 1839 года в нём жил Пётр Иванович Топорнин, сын Натальи Ниловны.

Сведений о внешнем виде домов Ермоловых и Топорниных того времени не сохранилось. Сопоставление плана 1795 года и выкопировок 1844 года показывает изменение в облике села Черновского. Пожары, продажи, промены, переселения крестьян внутри села и за его пределами меняли застройку.

Возврат в начало

Черновское во второй половине XIX века

По списку населённых мест Нижегородской губернии за 1859 год в Черновском (без Заиста) значилось 70 домов, в которых проживало 330 мужчин и 387 женщин. К этому времени в селе не было ни церковно-приходской школы, ни народного училища. В 1863 году в Черновском было открыто волостное правление, в ведение которого вошли: село Черновское с приходскими деревнями - Заистом, Свириным, Усадом, Ниловкой, Дубровкой; село Адашево и Акулинино с его приходскими двумя деревнями - Лукьяновкой и Ждановым.

В 1864 году в Российской империи была проведена земская реформа, по которой стали устанавливаться на местах земства. Одной из задач земств было развитие просвещения и здравоохранения сельской местности. И в 1870 году Сергачским земством было выстроено и открыто в Черновском народное училище, в котором ежегодно обучалось до 50 человек детей обоёго пола («Нижегородские епархиальные ведомости», №11, 1892 год).

С учреждением земств в Черновском была открыта земская больница на 15 кроватей. По Памятной книжке Нижегородской губернии на 1895 год земским врачом в ней значится Василий Николаевич Виноградов.

В церковно-приходской летописи села Черновского под датой 12 января 1881 года сообщалось: «Неурожай прошлого года даёт себя чувствовать всё более и более, а особенно крестьянам малоземельным, из каковых состоит почти весь приход Черновской церкви. Цены на хлеб стоят высокие: пуд ржаной муки доходит до 1р. 40 к., чего никто не помнит из старожилов. Хлебных запасов у крестьян хватило до января; скот голодает, да и того осталось разве только половина — весь распродан на покупку хлеба.. Нельзя не пожалеть о том, что в такую тяжкую годину пьянство в народе не только не слабеет, но и увеличивается - пьют и стар и млад, не слушая никаких добрых

и полезных советов, и число кабаков растёт: в Черновском открыт вновь ещё один, по счёту третий». («Нижегородские епархиальные ведомости», №11, 1892 г.).

Земские общества ведут большую работу по просвещению крестьян. Открывают не только школы, но и библиотеки.

15 ноября 1898 года в Черновском была открыта бесплатная библиотека-читальня. Фонд её состоял из книг религиозно-нравственного содержания и произведений светской литературы по различным отраслям знаний. Стоимость библиотечных книг определялась в 500 рублей. Книги, в основном, жертвенные. Здание для библиотеки было пожертвовано местной землевладелицей Марией Александровной Топорниной. Заведующей библиотекой была назначена госпожа Александра Григорьевна Ермолова, попечительница церковно-приходской школы. Наблюдение за библиотекой было возложено на местного священника Владимира Ивановского и смотрителя уездного училища Кононова.

На открытии библиотеки присутствовали земский начальник А.М. Ермолов, ученики земской и церковно-приходской школы, а также учителя и некоторые крестьяне.

В церковно-приходской школе не только учили грамоте и слову Божию, но и рукоделию (по воспоминаниям старожилов).

30 июня 1899 года Черновское посетил нижегородский губернатор генерал-лейтенант П.Ф. Унтербергер. Вместе с земским начальником А.М. Ермоловым, исправником Предтеченским и председателем Черновского правления Г.А. Сидоровым осмотрел черновскую земскую больницу. После чего они посетили народную столовую. Она содержалась на средства благотворителей, преимущественно местных помещиков-землевладельцев. В ней ежедневно питалось около 200 крестьянских детей. Во время пребывания в Черновском глава губернии входил в одну крестьянскую избу, ознакомившись с жизнью и бытом местных крестьян.

А жили некоторые крестьяне в большой нужде.

А.М. Зорина (1891 г. р., запись сделана в 1967 году) вспоминает:

- «...Земли у всех крестьян было мало. На небольшой усадьбе нужно было и под огород отвести, где сажали огурцы, морковь, репу, горох, капусту, лук, и участок под картофель, да ещё под хлеб и овёс. Там грядка, тут грядка. Осень придёт, урожай соберёшь, и хоть плачь. Весь урожай по небольшим кучкам разложишь, а кормиться этим весь год надо. Да ещё подати платить. Многие мужики уходили из села на заработки. А те, которые оставались в селе, работали на здешних помещиков. Отец мой пастухом был с молодых лет. И уж когда я маленькая стала, нанялся он в работники к Ермолову.

Домишко у нас был плохонький, как у всех, крыт соломой. Зимой было холодно, топили соломой да сучьями. Училась я в церковно-приходской школе. Ходили в лаптях, да и их старшие беречь велели. Одежду шили из домотканого холста. В школу поесть взять было нечего, поплачешь-поплачешь, да так и пойдёшь. Дома ткали рогожки. После двух классов я и прясть и ткать стала. Надо было семье помогать. Кроме черной работы ничего не видали. Летом в поле, а зимой пряли, ткали при лучине. Чистого хлеба хватало до Рождества, а потом подмешивали лебеду, просяную лузгу, картофельную шелуху».

Возврат в начало

XX век. (начало)

Наступило двадцатое столетие. Встретили его рождественскими праздниками, иллюминацией на барской усадьбе, торжественным молебном в церкви.

И снова тихо и размеренно потекла жизнь в старинном селе. Прошёл год, другой. Ничто не предвещало в такой глуши грозных перемен. Но наступил 1905 год. В стране - революция.

Вслед за выступлениями рабочих заволновались и крестьяне на всей территории царской России. Революционная волна охватила и наш район. Крестьяне сжигали помещичьи усадьбы, убивали наиболее ненавистных чиновников.

Кормилицына Анастасия Степановна вспоминает (записано в 1967 году):

- «.. В Апраксине был убит пристав. В деревне Усад сожгли дом земского начальника Фёдора Филипповича Топорнина. Уж больно лют был начальник, жестоко обращался с крестьянами, вот они и дом сожгли, и работать на него отказались. Вроде бы забастовали. Но заистные крестьяне им это дело сорвали, согласились на уговоры Топорнина поработать на подённом у чужого барина.

У нас в Черновском у Николая Петровича было тихо. Да и немудрено, барин догадался вызвать солдат. Вот никаких столкновений с помещиком и не было.

Ну а его богатый сосед Ермолов немного пострадал: хлеб, который в кладях на поле лежал, кто-то из крестьян сжёг».

Но революция потерпела поражение. Потихоньку село успокоилось.

В Черновском ещё проживали последние владельцы земель помещики Топорнины и Ермоловы. О жизни и быте Топорниных записано в 1967 г. по воспоминаниям старожилов села Анастасии Степановны Кормилицыной и Осининой Анны, мать которой работала у Топорниных прачкой.

Возврат в начало

Последние землевладельцы села

Топорнины

Часть земель села принадлежала в начале XX века Елизавете Васильевне и её мужу Николаю Петровичу Топорниным. И всю первую половину XX века взрослые черновчане называли себя топорнинскими, а заистные ермоловскими крестьянами, хотя уже и потомков помещиков в селе не осталось.

Н.П. Топорнин - полковник в отставке, среднего роста, полный, широкоплечий и, как почти все Топорнины, некрасивый. Всегда ходил в шинели и в фуражке с гербом. Были слухи, что мать его была нищенкой из Лизинки.

Жена Топорнина, Елизавета Васильевна, была женщина высокая, приветливая. Детей у них не было, но на лето приезжали к ним в гости многочисленные племянники и племянницы.

Обшитый тёмсом, под железной крышей деревянный дом Топорниных, располагался у прудов на правой стороне улицы, примыкавшей к Лукотке (название луговины на правом берегу Пьяны). Дом был большой, одноэтажный, по обеим сторонам коридора располагались комнаты. Около дома был разбит цветник. Отдельно стояла людская, где жили работники. Две кухарки готовили для них обеды. Господам готовили на кухне при господском доме. Обслуживали господ две горничные и прачка.

Был у Топорниных ещё хутор у леса недалеко от д. Усад. Там жил управляющий и несколько работников.

Дом барина был окружён огромным садом. От самых прудов до Пьяны (в Лукотке) был красивейший парк. Липы, клёны, акация стояли стройными, длинными аллеями. (К сожалению, все деревья были вырублены на топливо в трудные военные годы 1941-1945). Пруды соединялись красивым мостиком (к началу XXI века только заросшие пруды и остались). По вечерам в парке с песнями и гармошками гуляла

сельская молодёжь. Это не запрещалось. А днём крестьянские ребяташки самовольно лазили за орехами. Каждый год на религиозные праздники устраивали иллюминацию.

Земля Топорниных была за Пьяной. Владели они стадом коров. Было у них также много лошадей, уток, индюков. Каменный двухэтажный трактир в Ниловке тоже был собственностью Топорнина. Он сдавал его в аренду. Кроме постоянных работников у Топорниных было много подёнщиков. Те, кто молотили, получали 25 копеек в день, за уборку картофеля 10-15 копеек. За эти деньги тогда можно было купить легкий головной платок. За работой следил управляющий, который жил при господском доме. Он был злой, и крестьяне его боялись больше, чем барина.

Бабы черновские днями и долгими вечерами ткали холсты, отбеливали. Мыть их они приходили на барский пруд. Расстилали их на пенках и колотили деревянными вальками. Если барыня спала, их прогоняли с пруда.

У Н. П. Топорнина были два брата и три сестры. Один из братьев, Филипп Петрович, земский начальник. Дом его находился в д. Усад. Другой брат, немного глуповатый, жил на хуторе у Ахматова. Поместье, сестры Натальи было на холме у леса Резолюд. Сама она с дочерью жила в городе, а в поместье находился управляющий. Вторая сестра Марья жила в Дубровках. Третья - Анастасия - жила в Черновском недалеко от брата.

Незадолго до Февральской революции Н.П. Топорнин продал земли крестьянскому обществу, распродал своё имущество. А на другой день его ограбили. Топорнина от испуга парализовало и через три дня он умер. Жена его в двадцатых годах уехала из Черновского. В доме их некоторое время размещалась гимназия, вскоре здание сгорело. Были слухи, что сожгли его гимназисты.

Ермоловы

О последних Ермоловых записано по воспоминаниям Кругловой Пелагеи Яковлевны, отец которой был сторожем у Ермоловых, и Каравашкиной Марфы Васильевны тоже в 1966 году.

Другая половина нынешнего села Черновского носит название Заист (в более давнее время, как уже говорилось выше, это было самостоятельное селцо). Дома расположены здесь на склоне холма. В конце XIX - начале XX века большая часть Заиста принадлежала Алексею Михайловичу Ермолову.

Особняк Ермоловых, деревянный, одноэтажный, со следами бывшей когда-то веранды с фасада, высокие окна, центральная часть, два боковых крыла, как во многих старых помещичьих домах, справивших своё рождение в начале XIX века, просуществовал до середины XX века.

По воспоминаниям Тихонова Николая Кузьмича (записано в 2001 году): «Дом большой (10 комнат), добротный. Внутри стены были обшиты кошмой и оштукатурены, пол двойной, нижний слой из дубовых брусьев, снаружи дом обшит тёсом. Стоять бы ему и стоять ещё добрую сотню лет».

Но грянули перемены: владельцы вынуждены были его покинуть. После утверждения советской власти в доме несколько лет располагалась школа. В некоторых комнатах жили учителя. Потом некоторое время здесь был сельскохозяйственный техникум, и снова школа. В начале 60-х годов превратили дом в зерновой склад. А в 1968 году ещё вполне добротное здание было разобрано на дрова.

За домом на отлогом склоне холма сохранился старый одичавший сад. От старинного декоративного и плодового сада осталась рядовая периферийная обсадка из деревьев (липы, берёзы, тополя) и кустарников (жёлтой акации и сирени обыкновенной). А тогда большой парк как бы обнимал дом со всех сторон и выходил к

вязовой аллее. Около дома отдельными деревьями росли сосны и ели. Неподалёку от него была высажена целая сосновая аллея.

Перед балконом был большой цветник. Ермолов вместе с женой Александрой Григорьевной, а иногда с гостями выходили на веранду полюбоваться чудесным садом.

Сад Ермоловых и на самом деле был хорош. Дорожки расчищены и разметены. Вдоль дорожек и вдоль всей изгороди - кусты сирени. Уютные беседки к услугам гуляющих господ. В сад никого не пускали. Крестьяне даже к изгороди подходить боялись. В саду были два колодца, из которых брали воду для поливки, в бочках возили воду на скотные дворы. Для барской кухни воду возили из родникового колодца в Ужовском лесочке. Около родника была поставлена часовня. Когда долго не было дождей, около этой часовни местный поп служил молебен.

Ермоловы были много богаче, чем их черновской сосед Топорнин. Слева от барского дома стоял, тоже крытый железом, дом, отведённый под канцелярию. Там находился писарь. Направо - большая однокомнатная изба-людская, в которой жили работники. Следила за порядком в ней и готовила для работников отдельная стряпуха. В барском хозяйстве была большая конюшня, сарай для сельскохозяйственного инвентаря.

Земли у Ермолова, по воспоминаниям старожилов, было много. Около Жданова у него тоже был дом с садом и прудом. Была ветряная мельница и две молотилки. Топорнин изредка бывал в гостях у Ермолова, но сам он к Топорнину не ездил.

До 1905 года были ещё отработки, и крестьяне считались временнообязанными. Три дня в неделю крестьяне работали на барина.

Многие уходили из села на заработки (в частности, в город Владимир). Некоторые лошадные крестьяне брали у барина землю в аренду (5 рублей за десятину. Сады Ермолов тоже сдавал в аренду.

Ермоловы получали доходы не только с земли. Барыня Александра Григорьевна привозила из города бумажные нитки и отдавала бабам ткать. Ткань отвозили продавать не только в Нижний Новгород, но и в Петербург. В барской канцелярии на полках лежали целые кипы бумажных тканей. Ткали не только ермоловские, но и топорнинские бабы. Образцы тканья давала сама барыня, и рассчитывала за работу тоже сама. Платила 6 копеек за аршин, поузористее — 7 копеек, за простое тканье — 5 копеек. В семье Кормилицыной Серафимы Матвеевны около 100 лет хранилось хлопчатобумажное полотенце работы её матери Ненилы Яковлевны. (В настоящее время - с 2005г. — хранится в школьном музее)

Спустя несколько лет после революции 1905 года землю Ермолов продал через банк, имущество на лошадях было перевезено в Нижний Новгород. Сын их некоторое время работал там чиновником в государственном банке.

По воспоминаниям Каравашкиной Веры Алексеевны, перед отъездом «барин Ермолов вышел на балкон и, прощаясь с крестьянами, сказал: «Всё ваше будет - и воля, и земля, - но вы ещё на этой земле наплачетесь».

Оглодина

Кроме Топорниных и Ермоловых, по воспоминаниям А.С. Кормилицыной, в Черновском проживала помещица Феоктиста Павловна Оглодина, или, как её ещё звали за глаза, Оглодиха. Поместье её было в начале центральной улицы. Небольшое количество земли Оглодиной располагалось за Пьяной. Жила она за счёт сдачи земель и домов в аренду. У Феоктисты Павловны было пять небольших домов, крытых железом. Четыре из них она сдавала в аренду. Один из них - под кабак, другой - под волостное правление. На работу нанимала подёнщиков. Большая часть из них работала по дому и

в саду. На подёнщину ходили и взрослые, и подростки. Подросткам платили в два раза меньше.

Возврат в начало

От революции до войны

В начале XX столетия в Черновском (без Заиста) насчитывалось более 150 домов. Крестьяне Черновского и Заиста по-прежнему разделялись на три общины, общества, как называли их крестьяне: ермоловское, топорнинское и языковское. Крестьяне языковского общества, по воспоминаниям старожила села Смирнова Андрея Алексеевича, 1895 года рождения, принадлежавшего в своё время этому обществу, имели полный земельный надел. Средний душевой надел по Нижегородской губернии в чернозёмных уездах 3,2 десятины. Языковские крестьяне поэтому были более состоятельными, чем ермоловские и топорнинские. Они имели в хозяйстве коров, лошадей.

В селе, конечно, наблюдалось расслоение среди крестьян. Но никто из старожилов не вспомнил никого, кто имел бы наёмных работников в своём хозяйстве. Были в некоторой степени состоятельные крестьяне, которые имели ветряные мельницы, дранки, маслены. Но работали они всё семьями. У них были дома, крытые железом, но быт их мало чем отличался от прочих.

К числу таких состоятельных крестьян в Черновском относился Каравашкин Фёдор Максимович. С братом Иваном была у них в собственности ветряная мельница. А у Фёдора Максимовича в отдельном владении была так называемая маслена и дранка. Кармилицына Серафима Матвеевна, в детстве часто бывавшая в их доме, вспоминает: «Была у дяди Фёдора дранка и маслена. В селе все сеяли коноплю, и несли ему люди конопляное семя на масло. Сначала семя обдирают, потом в котле варят, отжимают на прессе, готовое масло стекает в ведро. Все приспособления вращались с помощью лошади. Масло славилось на всё село. И заистные несли семя к дяде Фёдору. Он хорошо пропаривал его, и масло получалось уж больно душистое. У Катусева Василия масло похуже было, видно, пропаривал мало. А работал дядя Фёдор вместе со своими сыновьями, трое их было у него, да три дочери. Сад у них был большой, ещё и в аренду брал сады в другом селении, ещё пасека была. Бывало, как только накачает мёду, соберёт ребятишек со всего села и угощает их хлебом ситным с мёдом. Все в Черновском его уважали».

На Заисте ещё была маслена - во владении трёх хозяев: Тихонова Сергея Ивановича, Штырина Семёна Андреевича, Мезина Петра. Нефёдов Яков Иванович имел в хозяйстве дранку. Обдирали в ней гречу, просо, полбу, которые выращивали на своих наделах местные крестьяне. Дом Нефёдовых тоже был крыт железом. Но ходил он, как и все крестьяне, в лаптях. Воронины (несколько семейств: Василий, Пелагея, Михаил) и Переводов Андрей Алексеевич «гоняли ямшину»: держали лошадей и занимались различными перевозками. У Воронина Михаила, кроме того, была ещё водяная мельница. Держал извоз и Павел Семенович Масанов. Чеснов Василий сдавал своим безлошадным соседям лошадей (две было) в аренду. В собственности А.М. Юдина была ветряная мельница, располагалась она на Заисте, на та называемой сельчанами Юдиной горе. Варёнов Василий Макарович (в Черновском) занимался обменом лошадей: плохую купит подешевле, выходит её и продаёт подороже.

К числу состоятельных крестьян относился и вернувшийся в 1911 году из Сибири с золотых приисков Гаврилин Иван Иванович.

Вот у них и ещё кое у кого были дома, крытые железом. Но это единицы. А в основном, вплоть до окончания Великой Отечественной войны, то есть в первой

половине XX века, в Черновском дома и дворы были крыты соломой, в лучшем случае – тесом. В голодные годы крыши шли на корм скоту. Мебель в домах даже зажиточных крестьян была самодельной и чрезвычайно простой и однообразной: лавки, стол, кровать, разинька (открытый шкафчик без дверей с двумя-тремя полочками для посуды). Дети спали на полатах и на печи. Посуда деревянная и глиняная. Деревянные чашки и ложки привозили из Талызина, а глиняную посуду - из Казаринова. Во многих домах были медные и никелированные самовары (гордость семьи). Мылись в русской печи, топили печь соломой. В печи же сушили валенки. Дома тускло освещались лучинами. Позднее появились керосиновые лампы, а в середине столетия - керосинки, на которых готовили пищу, но русская печь в доме оставалась главной в приготовлении основных блюд, выпечке хлеба.

Валентин Иванович Клементьев (1928 г.р.) вспоминает: «Меня не выпускали из избы с осени до весны, наверное, не было нужной одежды и обуви (ему было в то время 5 лет – автор). Выпускали, когда можно было бегать босиком. Поэтому печка длительное время была основным моим пристанищем.

Русская печь существует практически без изменений более ты-сячи лет со времен Киевской Руси. Такая печь оптимальна для зоны с длительной зимой, для лесной зоны. Все сделано рационально: затопка поднята на уровень пояса для удобства обслуживания, в печи сделан свод, дымоход расположен спереди, то есть пламя делает оборот и максимально отдает тепло.

Для русской печи используется специальное оборудование и принадлежности: чугуны, ухваты, сковородники, каток. Чугун имеет маленькое дно и пузатые бока, то есть пламя омывает его со всех сторон, и вода закипает быстро... Есть еще отымалка, то есть большая тряпка, которой охватывают кипящий чугун, чтобы слить воду. Отымалка была ругательным словом: так называли грязнуль... В печи предусмотрен ряд полезных приспособлений: печурки, где всегда теплые носки, варежки, портянки, конфорка для само-варной трубы, шесток (в других местах его называют загнетка).

Летом печь топят по потребности, когда пекут хлеб или пироги по праздникам, а еду обычно готовят на шестке, на тагане. Малым количеством щепок на таганке можно быстро, как на газу, сготовить завтрак, обед или ужин.

Хотя у нас была баня, но иногда мы все-таки мылись в печке (экономии дрова). Делалось это так: вечером печь протапливалась соломой, затем зола и пепел выгребались, стены, свод мама обрызгивала водой, а на под настилала слой соломы.

Мы залезали вдвоем с Тимой, нас закрывали заслонкой, и мы там прогревались, потели, лежать было неудобно, тесно, иногда обжигались о стенки. Вылезали измазанные сажей. Потом становились в большое корыто, и мама обливала нас теплой водой со щелоком.

Печь для нас была и лекарем. У нас часто болели животы (пища грубая — картошка, черный хлеб), и мы знали, как лечиться: просто ложились на горячую печь животом вниз.

На печи всегда были шоболы (шоболки), то есть тряпки, остатки одежды, которую уже нельзя было носить (бабушкин зипун, истрепанные дерюжки и т. п.), — было что постелить и чем накрыться.

К печи обычно примыкали полати — настил из досок полметра от потолка».

На Заисте и в Черновском было много крестьян-умельцев, которые в свободное от полевых и животноводческих работ занимались ремеслом. Одни валяли валенки (Варёнов П.П., Изосимов А.Г., Кормилицын И.С.). Другие плели из ивовых прутьев корзины, детские зыбки, решета, диваны, кресла, ступни-галoши. Особенно славилась этим семья Куринова Семёна Ивановича (1907 г.р.). Это целая династия: прадед, дед и отец Семёна Ивановича занимались этим ремеслом, и Семён с малых лет пристрастился к этому делу. И в течение всей первой половины XX века (до 60-х годов)

к нему обращались с заказами односельчане. В каждом доме имелись вещи работы Куриновых. По берегам реки Пьяны и Аиста было много сырья для плетения. Ивовые прутья резали, очищали от коры даже ребятишки. Они приносили их к Куриновым и продавали (после Великой Отечественной войны 10 прутьев стоили 1 копейку). Со смертью И.С. Куринова это ремесло исчезло. Впрочем, со второй половины XX века и нужда в этом отпала. Плёл диваны и Тихонов Алексей Григорьевич. Многие плели корзины для себя и соседей. Бабы ткали и сначала сдавали ткани за деньги помещице Ермоловой, а когда уехала, для своих нужд. Ткали, в основном, из местного сырья - конопля и льна. Ткацкие станки были почти в каждом доме. (Во время войны почти все станки были сожжены на отопление). К середине XX века и в изготовлении самодельных тканей нужда отпала.

Наступил 1917 год. И вновь село всколыхнули общественные перемены. Стало известно о свержении царя. В селе появился волостной исполнительный комитет Временного правительства. Существенных же перемен в жизни крестьян не произошло. В начале ноября 1917 года в Черновском услышали о новой революции в Петрограде и Москве, об утверждении в Нижнем новой власти - советской. Бывшие офицеры эсеры Воронин Сергей Васильевич, Каравашкин Константин Иванович, сын местного попа Фаминский, оказавшиеся в это время в селе, пытались организовать вокруг себя всех недовольных. Но никаких вооружённых столкновений не было. Как и в Нижнем Новгороде, новая власть утвердилась мирно. Помогали местным советам в их становлении отряды красноармейцев из Сормова и Салган, которые время от времени приезжали в Черновское. Первым председателем сельского совета, по воспоминаниям Дарьи Ивановны Вдовиной, одной из активных женщин-борцов за новую жизнь, был Андриянов Сергей Иванович.

До 1919 года Черновское по-прежнему было центром волости. Территория, которую охватывала Черновская волость, была довольно обширной. В неё входили следующие населённые пункты: Исупово, Старое Ахматово, Малое Ахматово, Пересекино, Молчаново, Алексеевка, Илларионово, Знаменка, Апраксино, Ниловка, Адашево, Свирино, Жданово, Абрамово, Китово, Можарки, Михайловка, Дубровка, Лизинка, Лукьяновка и др. Волисполком совета занимал здание бывшей земской управы. Здесь же располагались суд и кредитное товарищество. В кредитном обществе производился своеобразный обмен: за рожь, ячмень, пшеницу, вику, овёс можно было взять для сельскохозяйственных работ плуги и другой сельскохозяйственный инвентарь.

По словам Кузнецовой (Гаврилиной) Веры Ивановны: «1921 год был знаменателен страшным пожаром, сгорели все дома в Языковом конце. Славилась в округе Черновская больница. Главврач хирург Листов делал довольно сложные операции и был очень уважаемым человеком.»

В связи с изменением административно-хозяйственного деления в 1919 году и по положению «о краевых (областных, окружных и районных Советах и их исполнительных комитетах» волисполкомы были упразднены. По списку населённых пунктов Сергачского уезда за 1925 год в Черновском проживало 1908 жителей. В селе организуется изба-читальня. Избачом и библиотекарем в ней некоторое время работала Дарья Ивановна Вдовина, член волостной земельной комиссии (член КПСС с 1930 года).

Время от времени в крестьянских общинах проходил передел общественных земель, так как состав семьи менялся. Надел давался на мужскую душу. По воспоминаниям А.Ф. Чесновой, последний передел земли в ермоловском обществе был в 1927 году. Отец её страшно волновался, несколько раз подбегал к дому. В это утро, когда собрался сход на передел, его жена родила, и так важно было для семьи, кто появится на свет, мальчик или девочка. Радость была безмерна: родился сын. С радостным криком бросился он к месту крестьянского схода: будет его семье прибавка к наделу.

В этом же 1927 году в Н.Новгороде состоялся XIII губернский съезд советов. Делегатом от Сергачского уезда был избран участник Гражданской войны Иван Филиппович Клементьев (1893 г.р.)- человек достаточно грамотный, позднее работавший некоторое время председателем заистного колхоза «Путь к социализму». Вот запись его выступления из стенографического отчета губернского съезда советов:

«Клементьев (Сергач). Товарищи, я — крестьянин от сохи Сергачского уезда, хочу сказать несколько слов, не научных, а простых, и надеюсь, что вы меня поймете. Я бы сказал, что в Сергач-ском уезде сельское хозяйство никуда не годно. Может быть, в некоторых уездах поднимается, но, в частности, в Чернореченской* (* правильно: в Черновской.) волости (это на границе Симбирской губ.) не заметно и [существует] чуть ли не в первобытном виде. Одинаково пашут той же сошкой, молотят цепом. Причина всему этому — беднота. Иногда так бывает: иной в состоянии купить плуг, хотя он отчасти и дорог, но рассуждает так, что моя лошаденка не сумеет его поднять, и поэтому он не рискует купить плуг. У кого есть, так он стоит, а все-таки пашут сохой. Повторяю, всему причиной является бедность. Тов. Зеленухин отметил, что крестьяне слабо организованы; и на самом деле это так. Были такие случаи: придет агроном на собрание и начинает убеждать о переходе на многополье, о том, о сем, и крестьянина можно сразу уговорить, и он охотно идет на все, лишь бы только изменить свою жизнь. Согласились крестьяне перейти сначала на четырехполье, обратились в УЗУ за семенами, а там говорят: это столько-то стоит, это столько-то. Крестьянин пощупал в своем кармане запас своих семян, да и говорит: "Когда будем побогаче, тогда перейдем".

Я бы сказал еще о садах. Тов. Зеленухин, мне кажется, упустил их из виду и не нашел нужным отметить относительно садов. У нас в Сергачском уезде есть сады. Эти сады находятся в распоряжении УЗУ и притом в хаотическом состоянии. По-моему, их бы лучше передать в бесплатное пользование крестьян, так как они выращены потом и кровью этих крестьян, когда было право помещиков, и вменить в обязанность крестьянам их культурное состояние под наблюдением Уземуправления.

Я скажу: побольше прав и льгот нужно дать крестьянам, и только таким родом можно придвинуть крестьянина к земле. Сама земля к крестьянину не подойдет. Только таким образом можно улучшить сельское хозяйство. Раз крестьянин не может дать земле того, что она требует, — получше ее обработать и унавозить, — то земля не даст ему того, что следует. У нас так говорят в хозяйстве: я как-нибудь вспашу, как-нибудь обработаю. А раз земле не дашь того, что она требует, то и земля не даст ничего. Надо найти выход, чтобы крестьянину дать какие-либо средства и побольше льгот». (* XIII Нижегородский губернский съезд советов (26 марта — 2 апреля 1927 г.). Стенографический отчет. Нижний Новгород: Издание Нижгубисполкома, 1927. С. 194-195.)

Вслед за ликвидацией волисполкомов были упразднены уезды. Вводилось районное территориальное деление. 4 июля 1929 года районный съезд Советов провозгласил образование Большеболдинского района. И село Черновское стало его составной частью.

А тем временем в стране начался новый этап в переустройстве сельского хозяйства, связанный с развёртыванием массовой коллективизации. Вот теперь и наступили в деревне коренные перемены. Практически в деревне происходили два взаимосвязанных насильственных процесса: создание колхозов и раскулачивание. Ликвидация кулацких хозяйств прежде всего имела следующие цели: обеспечение коллективных хозяйств материальной базой, подрыв духа сопротивления новым начинаниям в деревне. Судьба раскулаченных служила примером остальным, кто не желал добровольно идти в колхоз. А в селе образуются два колхоза: один в Черновском, другой на Заисте (зима 1929 года). И отныне жизнь крестьян неразрывно связана с ними.

В конце 1929 года была поставлена задача проведения сплошной коллективизации в районе. И на первый план выдвигался вопрос о хлебопоставках, так как в стране ощущался острый недостаток хлеба. На районном пленуме райкома партии в октябре 1929 года обсуждалась черновская партячейка за неудовлетворительный ход хлебозаготовительной кампании, в особенности в части воздействия на кулаков и зажиточных крестьян.

Власти не дали точного определения, кого считать кулаком. А каждый район получил норму коллективизации и раскулачивания. Норма коллективизации 100% везде одинаковая, норма раскулачивания равнялась в среднем 5-7 % от числа крестьянских дворов. И чтобы выполнить её, местные власти зачастую записывали в кулаки середняков и даже неугодных по каким-либо причинам бедняков. Для оправдания этих действий было придумано злое слово «подкулачник».

Первую директиву о раскулачивании Нижегородский крайком партии дал на месте 5 февраля 1930, после получения секретной директивы от ЦК ВКП(б) 12 февраля были разосланы указания приступить в организованном порядке к раскулачиванию и утверждены были меры по ликвидации кулачества.

Процесс раскулачивания коснулся и Черновского. Раскулачивались самые трудолюбивые крестьяне, совершенно не использовавшие наёмный труд батраков. Так был раскулачен Каравашкин Фёдор Максимович. Отобрали маслёну, ветряную мельницу. И за то, что отдал веялку в Усад, а не в Черновской колхоз, был арестован и увезён в неизвестном для семьи направлении. Так и сгинул человек навсегда.

Это были трагические дни в жизни села. Матерщина, детский плач, старушечье отчаяние и бессилие людей перед нечистоплотными властью имущими, которые раскулачивали невинных людей только за то, что те стремились прокормить ораву детей.

Неоднократно увозили в Болдино Варёнова Василия Макаровича, который занимался обменом лошадей. Кормилицына Серафима Матвеевна вспоминает: «А добра-то у него и было: лошадь, корова, швейная машинка да детей 8 человек. Отец мой отказался выводить корову, так его за неподчинение тоже на сутки в Болдино забирали.

А как раскулачивали соседа нашего Горбунова Александра Григорьевича, я сама видела. Его не один раз возили в Болдино из-за земли. Мать моя рассказывала, что бабке их землю Пушкины дали за какие-то услуги, то ли нянчилась с ребёнком, то ли ещё за что, уж не помню. Но у него и документ на землю ту был. Вот его домой и возвращали. Да у него ещё и жеребец был. Мужики за плату водили к нему своих кобыл. Вот к этому и прицепились. Пришли раскулачивать. Стали всё из дома выбрасывать. Тётя Вера с воем повалилась на матрац, его хоть, думала, оставят. Но её вместе с матрацем вытащили и выбросили на улицу. Дом разобрали, передали было для интерната, а потом председатель совета Балахонов из него себе дом построил».

Раскулачивали и на Заисте Нефёдова Я.И., Ворониных, А.М. Юдина. Нефёдова забирали, некоторое время он пробыл в тюрьме, но вернулся. Дом отобрали. Вообще все мельницы, веялки, крупорушки, маслены - всё отобрали (К стати сказать, что ветряные мельницы А.М. Юдина и Ф.М. Каравашкина исправно работали в колхозе до 1965 года, когда была построена вальцовая мельница. Оборудование для нее было привезено с ветряных мельниц. Правда последние годы своего существования мельницы работали не от ветра, а жернова приводились в движение с помощью трактора). Единоличники, не желающие идти в колхоз, были обложены твёрдым заданием. За неуплату его в крестьянских домах отбирали самовары, швейные машинки, трепали тряпье в сундуках, выискивая подходящее, что получить. Не добрым словом вспоминали старожилы активистов сельского совета того времени: Гаврилина Ольгу Васильевну, Коновалову Варвару Филипповну.

В 1929 году были образованы колхозы в Черновском и на Заисте

В 1930-е годы в стране складывается тоталитарная политическая система, элементами которой являются уничтожение гражданских свобод, контроль партии над обществом, через массовые общественные организации и массовые репрессии. В деревне компартия развернула репрессии не только против кулачества. Любое неосторожно сказанное слово, неумная шутка в адрес новой власти могли стать основанием тюремного заключения.

С ноября 1934 года для вынесения приговоров по делам «врагов народа» стали действовать внесудебные органы - так называемые особые совещания (из 2-3 человек). Такой вот «тройкой» в составе Комакова Василия Дмитриевича, Борисова Ивана Матвеевича и Штырина Николая Семёновича был осуждён Каравашкин Григорий Иванович, который при подсеве пшеницы на колхозном поле грубо пошутил: «Это нам, а это собакам». Эта шутка стоила ему десятилетнего тюремного заключения.

Забрали Катушева Василия. Он отбывал наказание в Арзамасе. Здесь же находилась Осинина Матрёна, совсем пожилая женщина. Повздорила она с председателем совета Балахоновым и, несмотря на преклонный возраст, Осинина была объявлена тоже «врагом Советской власти». В арзамасской тюремной мастерской она пряла шерсть. Там от одного заключённого узнала о смерти своего односельчанина Василия Катушева (сама она была освобождена по амнистии).

И все-таки черновчане за предвоенное десятилетие уже приучились к коллективному труду. Самостоятельные, зажиточные крестьяне с некоторой печалью вспоминали о прошлой жизни. Но молодые прочно усваивали всё новое. Общественная жизнь становилась интересной. В селе появились и стали активно действовать комсомольская и пионерская организации. Причём комсомольская ячейка, как тогда говорили, в Черновском возникла самой первой в Большеболдинском районе в 1919 году. В неё входили ребята не только из Черновского, но и близлежащих селений: Ниловки, Лукьяновки, Свирина, Усада, Дубровки, Адашева, Апраксина.

В.И.Клементьев вспоминает: «Жили трудно, тревожно, но одновременно было ощущение весеннего утра, праздника. Все было внове. В колхозе выдали на трудодни зерно. Пригнали из МТС (машинно-тракторной станции) трактора. Открыли избу-читальню...

В 1937 году были первые выборы. Выбирали Чкалова. К старушкам, в том числе и к нашей Марфе Платоновне, урну привезли на лошади с колокольчиком. У нее радости было на целую неделю (непривычное внимание, лошадь с колокольчиком). На избирательном участке заводили патефон, крутили любимые в то время «Вдоль деревни», «И кто его знает». В нардоме (клубе) начали показывать звуковое кино: «Путевка в жизнь», «Чапаев».

Особое место в жизни села занимала река Пьяна. В то время она была многоводной, так как каждое лето ее перегораживали плотиной, которую начинали ставить где-то в начале июня.

В.И.Клементьев пишет: «Это был праздник. Народу собиралось много — забивали сваи, возили хворост, землю, а на берегу стояли любопытные.

Сваи забивались так: ставили заостренное бревно, у которого наверху была площадка для четырех забивальщиков, и они по команде били большим чурбаком с ручкой (бабой). Сначала пели частушку, обязательно матерную, а потом били 10 раз». Плотину делали для водяной мельницы.

Жизнь шла своим чередом, набирая новые обороты. Но в июне 1941 года мирный труд был прерван внезапно начавшейся войной.

Храмы в селе Черновском

Теперь совершенно уместно рассказать историю Черновских храмов, которые как и многие люди были репрессированы и исчезли в эти страшные годы.

В Черновском было несколько храмов. Упоминание о первом храме в селе имеются в Арзамасских поместных актах под датой 22 августа 1612 года, где говорится: «В селе Черновском был храм Покров Пречистые Богородицы да предел Никола Чудотворец, да двор боярский и тот храм и двор сожжён и на монастыре попов двор и клеть сожгли нагайские люди».

Когда и кем был построен сожжённый нагайцами черновской храм, до сих пор неизвестно.

В «Нижегородских епархиальных новостях» (№ 10, 1892 г.) указывается, что в половине XVII века в Черновском было два храма - Покровский и Макарьевский.

Религиозные праздники преподобного Макария Желтоводского Унжеского (7 августа), Покров Пресвятыя Богородицы (14 октября) на Заисте, а святителя Николая Чудотворца (19 декабря) и день перенесения мощей святителя и Чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар град в остальной части Черновского стали престольными и до сих пор жители Черновского чтят эти праздники: пекут пироги и на застолье приглашают в гости друг друга.

Эти храмы, видимо, были построены одним из первых владельцев села стольником Дмитрием Михайловичем Ермоловым. Как утверждают письменные источники, покровский храм существовал в селе до конца XVII столетия.

Те же «Епархиальные новости» 12 мая 1892 года писали, что «...в 1700 году тщанием господина Ермолова в селе Черновском Сергачского уезда воздвигнут каменный храм в честь Нерукотворного Спасова образа». Освящена была церковь в 1705 году. В ней крестил своих детей Гаврила Петрович Ермолов.

Согласно церковным описям, этот храм в первоизданной его архитектуре был пятиглавым и полностью каменным. На его паперть вело несколько ступеней, поэтому храм величаво возвышался над селом. Покров храм был дубовыми пластинами.

В 20-х годах XIX столетия дочерьми Нила Федоровича Ермолова - Натальей Ниловной Топорниной, Елизаветой Ниловной Филатовой и Екатериной Ниловной Чемодуровой - храм был перестроен. Из пятиглавого он был переделан в одноглавый. А купол и половина осьмерика были сделаны из дерева. В то же время храм был покрыт железом.

В этом переустроенном виде храм просуществовал недолго. В конце 40-х годов сверху храма образовалась трещина, которая с каждым годом увеличивалась, стала угрожать разрушением купола.

И вот 17 августа 1852 года, во время совершения всенощного бдения, которое совершалось в Макарьевской церкви, в «Спасской купол и до половины осьмерик, на котором держался купол, рухнули с шумом вовнутрь храма».

Макарьевский же храм в Черновском был деревянным с приделом Казанской Божьей Матери. Пришедший в ветхость он был разломан. На том же месте с благословения Антония, архиепископа Владимирского и Ярославского, в 1763-1765 годах был построен новый каменный храм с приделом Николая Чудотворца и освящён в 1765 году. Храм этот был построен на средства Прасковьи Афанасьевны Ермоловой. В 20-х годах XIX столетия была пристроена колокольня на средства жившей в деревне Дубровка (недалеко от Черновского) помещицы Натальи Ниловны Топорниной её крепостным крестьянином Николаем Дорогим. В 1876 году Макарьевская церковь и колокольня были покрыты железом, а до этого крыша была тесовая.

К Спасской церкви села Черновского в 1878 году была приписана Богоявленская церковка села Адашева, в котором причт из Черновского по временам совершал

богослужения. Приписана эта церковь была потому, что прихожане села Адашева не нашли у себя средств на содержание самостоятельного причта, так как церковный приход был малочисленен. Церковь в Адашеве была однопрестольная, деревянная, крытая тёсом, летней.

В приход Черновской церкви, кроме Черновского, входили деревни Адашево, Ниловка, Усад, Свирино, Дубровка.

По Адрес-календарю Нижегородской епархии на 1904 год в Черновском значится храм, построенный в начале XVIII столетия. Прихожан насчитывалось 1544 мужчины и 1651 женщина. Причт состоял из трёх человек: священника Александра Михайловича Певницкого, диакона Н.Т. Фаминского и псаломщика И.Ф. Фаворского.

При церкви имелась церковно-приходская школа, законоучителем в которой был псаломщик Фаворский. Церковным старостой был местный помещик Н.П. Топорнин.

Кормилицына Вера Матвеевна вспоминает: «Обе церкви были большой гордостью черновских жителей. У церкви Макарьевской, что поменьше, построена была колокольня, на которой были установлены большой и 3 или 4, уж не помню, маленьких колокола. Звонили колокола не только в праздники. Звоном колокольным провожали покойников в мир иной. Если звонит большой колокол, значит умер взрослый, если маленький - то ребёнок. Звонили в колокол и когда пожар случался в селе. Просвирки, которые в церкви продавали, пекла дома Комакова Любовь Дмитриевна. Бывало, как праздник, несёт их в корзиночке в церковь. Народу много ходило на богослужение, ведь тогда все верующие были; и детей приводили, исповедовались, причащались. Зимой богослужения в Макарьевском храме проходили, а летом в большом храме Спаса Нерукотворного».

По воспоминаниям Вдовиной Анны Семёновны (1907 г.р.) «господа на праздник дарили церквям деньги, иконы. К светлому празднику Пасхе наряжали баб мыть в церкви за плату, и бабы с большой охотой брались за эту работу. Помещиков же хоронили в склепах у церквей».

А в 1937 году (по воспоминаниям старожилов) церкви были закрыты. День был солнечный. Приехала милиция из района, - вспоминает Кормилицына С.М. - Народу собралось много, ну туча тучей. Бабы режут, у мужиков и то слёзы на глазах. А приехавшие и давай всё в церкви крушить-ломать. Кое-что люди некоторые сумели подобрать - книги святые, иконки. По домам своим растащили. Четверых милиционеры с собой увезли: батюшку Афанасьева, старосту церковного Штырина Семёна, Смирнова Алексея и Нехлюдова Алексея.

Николай Кузьмич Тихонов рассказывает: «Вскоре в 1939 году Макарьевский храм разобрали. Ломать свои местные не хотели, так прислали принудиловщиков. Это те, которые в колхоз не шли, вот им принудительную работу и дали. А в большой летней церкви склад сделали. После войны ещё и гараж устроили. На складе запчастей разные хранили, горючее. Тут и заправку горючим машин и тракторов делали».

В начале 60-х годов и большой храм разобрали на хозяйственные нужды. К 1966 году осталась от него небольшая часть кирпичного фундамента. Так исчезли в селе замечательные памятники русской культуры. А на площади рядом с ещё полуразрушенной церковью Спаса в 1939-40 годах построили похожее на барак деревянное строение - клуб.

Возврат в начало

Материал собран учителем истории Смирновой В.М.